

Я с уверенностью заявила:

— Цуцзюй изначально был военной игрой, имитирующей сражение двух сторон. Никогда не слышала, чтобы в войне сражались один на один. Даже если некоторые воины слабее, но их армия побеждает — они победители. А самый сильный боец, чья армия проиграла, всё равно остаётся побеждённым. То же и с цуцзюй: если моя команда выиграла, то и я — победительница. А раз я победила, какое мне дело до остального?

Вэй Хуань покачала головой:

— У тебя всегда находятся странные рассуждения. Я с тобой не спорю. Делай как хочешь, я тебя поддержу.

Я улыбнулась:

— Вот и отлично. Сейчас же пошлю кого-нибудь узнать, когда все будут свободны, чтобы собраться. И ещё: состязание не может быть без приза. Как насчёт ста связок монет? Если приз будет слишком ценным, это может испортить отношения.

Вэй Хуань, не понимая моих намерений, серьёзно ответила:

— Сто связок — это слишком много. Лучше ограничиться десятью, просто для забавы.

Я возразила:

— В команде много людей, и даже если поделить сто связок, каждому достанется немного. Десять — это слишком уж скупо.

Но Вэй Хуань не согласилась:

— Деньги — просто символ. Даже если ты предложишь тысячу связок, для них это ничего не значит, а только покажется вульгарным. Лучше устрой пир, где все смогут хорошо выпить и повеселиться. После игры победители напишут записку о победе, а проигравшие подпишут её в знак признания поражения. Уверена, Цуй Мин-дэ и остальным это понравится.

Я, видя, что она не следует моему замыслу, в нетерпении топнула ногой:

— Нет, я сказала, что призом будут деньги, так тому и быть. Никаких записок! — Чтобы Вэй Хуань не успела возразить, поспешно приказала слугам:

— Принесите сто связок наличными, они мне понадобятся.

Вэй Хуань, не сумев меня переубедить, лишь молчала.

Мои спутницы, сопровождавшие меня в поездке и освобождённые от занятий в школе, были совершенно свободны. Когда я спросила их, все ответили, что готовы в любой день, и предложили мне самой решить. Я обсудила это с родителями и выбрала день, чтобы устроить пир в Павильоне Пльвущих Чаш. С Цуй Мин-дэ и остальными я была знакома, так что с ними всё было просто. Дугу Шао же я видела впервые, и Пэй Ланьшэн представила её мне. Дугу Шао была шестнадцатой в своём роду, и я с улыбкой обратилась к ней:

— Шилюнян.

Вспомнив слова Вэй Хуань, я невольно взглянула на Цуй Мин-дэ и увидела, что обычно

высокомерная и отстранённая Цуй Мин-дэ неожиданно приблизилась ко мне. Увидев её, Дугу Шао забыла о моём присутствии, вскинула подбородок и, сверкнув зубами, сказала:

— А, это не Цуй Вторая? Как поживает твоё стихотворение «Снежный след»? Написала одну строчку или две?

Цуй Мин-дэ, словно из ниоткуда, достала перьевой веер и, прикрыв им подбородок, неспешно ответила:

— Перед принцессой ты ведёшь себя так бесцеремонно. Это что, стиль вашего дома, Дугу?

Дугу Шао фыркнула, а затем, обращаясь ко мне, улыбнулась:

— Я никогда не бывала во дворце и не знаю здешних обычаев. Если проявила неучтивость, прошу прощения, Ваше Величество.

В прошлый раз я видела её лишь издалека, и черты лица разглядеть не удалось. Теперь же, встретившись лицом к лицу, я поняла, насколько она высока. Цуй Мин-дэ и Вэй Хуань обе были высокими, но Дугу Шао превосходила их на голову. Даже склонившись в поклоне, её глаза были почти на уровне моих. Цуй Мин-дэ была стройной и изящной, словно божество с луны, далёкое от мирской суеты. Дугу Шао же была высокой и пышной, с яркой, почти иноземной красотой. При ближайшем рассмотрении её глаза оказались карими, нос — высоким, как у ху, брови — густыми, губы — алыми, а подбородок — слегка округлым. Кожа её была белоснежной. Она пришла в плаще и шапке хунто, в кожаных сапогах, и я подумала, не в хуфу ли она одета. Когда она сняла плащ, я увидела, что на ней действительно была красная хуфу из меха с отворотами. Несмотря на холод, она не застегнула её, обнажив грудь. В свои шестнадцать лет её формы уже были явно выражены.

Цуй Мин-дэ, увидев наряд Дугу Шао, изменилась в лице и, нахмурившись, с лёгким неодобрением пробормотала:

— Станный наряд!

Цуй Вторая впервые публично высказала своё недовольство, и я невольно взглянула на неё, а затем на Дугу Шао. Однако та сделала вид, что не слышит, и, улыбаясь, сказала мне:

— Из скромного дома, впервые представляюсь Вашему Величеству, и не имею ничего достойного для подношения. Только седло семи драгоценностей, прошу не счесть его недостойным.

С этими словами две её служанки поднесли позолоченное серебряное седло, украшенное драгоценностями. Две дворцовые служанки попытались его взять, но не смогли. Дугу Шао с некоторой гордостью заметила:

— Мои служанки не отличаются особыми талантами, но они сильны. Дворцовые дамы нежны, и то, что они несут, потребует усилий четырёх человек.

Я, видя, что даже её служанки — высокие и крепкие хуцзюй, поняла, что она не шутит. Обменявшись вежливыми фразами, я приказала евреям поднять седло, и понадобилось четверо или пятеро, чтобы справиться с задачей. Внутренне я удивилась, всё больше убеждаясь в необычности Дугу Шао, и вежливо пригласила её занять место.

К тому времени все уже собрались, и угощения были поданы. Я приказала музыкантам из

Цзяофан начать, но едва зазвучали первые ноты, как Дугу Шао обратилась ко мне:

— Раз сегодня мы играем в цуцзюй, почему бы не сыграть военные мелодии?

Я всегда предпочитала спокойную музыку и не любила военные марши, поэтому задумалась, как вежливо отказать. Но Вэй Хуань, сидевшая рядом, сказала:

— Покои Вашего Величества находятся недалеко, и военная музыка может быть слишком громкой.

Пир был устроен у извилистого ручья, и я заранее объявила, что здесь все равны, независимо от статуса. Поэтому Вэй Хуань сидела рядом со мной, а Дугу Шао и Пэй Ланьшэн — напротив. На другом берегу сидели Цуй Мин-дэ и Цуй Шуньдэ.

Цуй Мин-дэ, услышав слова Вэй Хуань, добавила:

— Это всего лишь игра в покоях, а не сражение на поле боя. Нет нужды играть такие бодрые мелодии.

После её слов несколько человек поддержали её, и Дугу Шао пришлось замолчать. Она взяла кусочек нарезанной рыбы, осмотрела его и с лёгкой усмешкой сказала:

— Нарезка — не ахти.

Рыба была нарезана дворцовым поваром, и ломтики были тонкими, как снежинки. Я удивилась её замечанию и с улыбкой спросила:

— Шилюнян, ты видела, как кто-то режет лучше?

Дугу Шао улыбнулась, специально взглянув на Цуй Мин-дэ, и встала:

— Если Цуй Вторая не против, я могу нарезать рыбу.

Мне стало любопытно, и я приказала принести карпа и нож для нарезки. Дугу Шао, небрежно подойдя, положила под рыбу белый лист бумаги и, лениво стоя, крутанула нож в руке, подбросила его в воздух и поймала. Затем она улыбнулась Цуй Мин-дэ, которая уже отложила палочки, сидела с прямой спиной и смотрела прямо перед собой, словно не замечая Дугу Шао. Та пожала плечами, и нож в её руках засверкал. В мгновение ока карп был разделан. Слуги поднесли блюдо, и я увидела, что рыба была нарезана так тонко, что ломтики были почти прозрачными, сложенными, словно шёлковая ткань. Попробовав кусочек с чесночным соусом и апельсиновыми дольками, я была поражена его нежностью и отсутствием запаха. Не удержалась и воскликнула от восхищения.

Дугу Шао, довольная собой, огляделась вокруг, бросила нож на стол, вытерла руки и вернулась на своё место. К тому времени блюдо с рыбой уже обошло всех гостей, вызывая восхищённые возгласы. Лишь Цуй Мин-дэ сидела неподвижно, и когда блюдо поднесли к ней, она даже не взглянула, сказав:

— Я уже наелась.

Я, видя странные отношения между ними, взглянула на Вэй Хуань, которая шепнула мне на ухо:

— Клан Цуй и Дугу были давними друзьями, но несколько лет назад между ними произошла

ссора, и они перестали общаться. Теперь, даже встретившись, они ведут себя как враги.

Я наконец поняла ситуацию и тихо ответила:

— Я думала, они друзья, а оказалось, что враги. Неужели во время цуцзюй они подерутся?

Вэй Хуань, не желая на виду у всех показывать своё раздражение, лишь слегка шлёпнула меня по руке:

— Ты что, считаешь их деревенскими бабами? Они не станут драться!

Я, потирая место, где она меня ударила, с улыбкой сказала:

— Кто знает. Ты ведь тоже не деревенская баба, а всё же меня ударила.

Вэй Хуань положила палочки и, всё ещё улыбаясь, проворчала:

— Скоро ты меня доведёшь до того, что я не смогу есть от досады.

Я взяла свою грушу и, протянув её ей снизу, сказала:

— Не сердись, не сердись, съешь грушу, чтобы успокоиться.

Вэй Хуань не смогла сдержать неодобрительный взгляд и сердито сказала:

— Груша только у тебя. Если я её съем, это будет выглядеть странно.

<http://bllate.org/book/16278/1466093>